

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 3. С. 753–785.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 9, no. 3 (2025): 753–85.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-4>

<https://elibrary.ru/lkduhl>

Вологодский съезд политических ссыльных в 1907 г.: местная власть и самоорганизация революционеров

Павел Владимирович Тихомиров

Центральный государственный архив
кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург, Россия,
ptikhomirov@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6611-3029>

Pavel V. Tikhomirov

Central State Archive of Cinema
and Photo Documents of St Petersburg,
St Petersburg, Russia,
ptikhomirov@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6611-3029>

Аннотация. В статье анализируется проблема взаимоотношений между представителями местной власти на примере дискуссий о политических ссыльных Вологодской губернии. Автор обращается к уникальной во многом ситуации, которая сложилась осенью 1907 г.: местный губернатор А.Н. Хвостов санкционировал губернский съезд уездных делегатов политических ссыльных, не уведомив о своем решении начальника Губернского жандармского управления В.М. Ламзина. Эта ситуация в статье помещается в контекст истории общественной самоорганизации на исходе Первой российской революции (1905–1907), когда внимание к общественным организациям и собраниям усилилось, а новые механизмы регистрации и функционирования обществ затруднили их легальную деятельность. В статье показано, как решение одного представителя администрации повлияло на сферу деятельности другого, лишив последнего возможности выполнять часть своих функций. Проанализирована переписка Хвостова и Ламзина с Департаментом полиции, которая проливает свет на разные, противоречащие друг другу способы объяснения и концептуализации самоорганизации политических ссыльных, а также механизмы борьбы с радикализацией революционеров. Контекстуализируя конфликт губернатора и начальника ГЖУ, автор обращает внимание на то, что противоречия не были уникальны для конкретного случая, а носили общий и системный характер. Автор отмечает связь конфликта с нехваткой материальных ресурсов как для снабжения политических ссыльных, так и для пополнения кадрового состава полиции и ГЖУ. Кроме того, одним из важнейших источников конфликта было совпадение сфер влияния губернаторов и начальников ГЖУ при расхождении сфер ответственности каждого из них.

© Тихомиров П.В., 2025

© Tikhomirov P., 2025

Ключевые слова: политическая ссылка, общественная самоорганизация, местная власть

Для цитирования: Тихомиров П.В. Вологодский съезд политических ссыльных в 1907 г.: местная власть и самоорганизация революционеров // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 3. С. 753–785, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-4>; EDN: LKDUHL

Vologda Congress of Political Exiles in 1907: Local Authorities and Self-Organization of the Revolutionaries

Abstract. The article analyzes the problem of relationships among local administrators who discussed the issue of political exiles in Vologda Governorate. The author studies the situation (unique in many respects) that occurred in Vologda Governorate in the fall of 1907. A. Khvostov, the local governor, authorized the congress of political exile delegates without notifying V. Lamzin, head of the Governorate Gendarme Department, of his decision. The situation considered in the article is placed in the context of the history of social self-organization immediately after the First Russian Revolution (1905–07). That period was marked by increased attention to public assemblies and associations while the new mechanisms for their registration and operation hindered their legal activities. The article shows how the decision of one administrator influenced the scope of activity of another one, depriving the latter of the opportunity to perform part of his functions. The author analyzes the correspondence of Khvostov and Lamzin with the Police Department. It sheds light on different contradictory ways to explain and conceptualize the self-organization of political exiles as well as the ways to fight against radicalization of revolutionaries. Contextualizing the conflict between the governor and the head of the Governorate Gendarme Department, the author of the article draws attention to the fact that the contradictions were not unique to a specific case but had a general systemic nature. The author notes the connection between the conflict and the lack of material resources to supply political exiles and to staff the police and gendarmerie. In addition, one of the most important reasons for the conflict was the coincidence of the spheres of influence of the two administrators while they were responsible for different areas.

Keywords: political exile, social self-organization, local authorities

For citation: Tikhomirov, P.V. “Vologda Congress of Political Exiles in 1907: Local Authorities and Self-Organization of the Revolutionaries.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 3 (2025): 753–85, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-4>; EDN: LKDUHL

Введение

В начале октября 1907 г. начальник Вологодского губернского жандармского управления (ВГЖУ) полковник Виссарион Михеевич Ламзин получил выписку из перлюстрированного письма яренского политического ссыльного:

Вероятно теперь дня через 2-ва я поеду в Вологду, где созывается конференция представителей всех ссыльных Вологодской губернии¹.

¹ Выписка из полученного агентурным путем письма: «Иосиф», Яренск, Вологодской губернии – к Анне Наумовне Гуревич, Киев, 2 октября 1907 года // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 1.

В.М. Ламзин ничего не знал о готовящемся собрании поднадзорных, тем удивительнее оказалось вскоре обнаруженное им обстоятельство: организатором конференции (съезда) политических ссыльных выступил губернатор Алексей Николаевич Хвостов. Он принял решение собрать в своем кабинете представителей каждой уездной колонии политических ссыльных, не поставив в известность начальника ВГЖУ². Съезд политических ссыльных не был уникальным случаем: в разных губерниях поднадзорные проводили собрания уездных делегатов, но эти собрания были нелегальными³.

Накануне съезда ссыльные регулярно обсуждали актуальное состояние дел, выбирали делегатов для представительства от каждой уездной колонии. Сотрудники ВГЖУ, как отмечал В.М. Ламзин, не могли пресекать подобную деятельность и «арестовывать собрания, так как в каждом случае получался ответ, что собрание разрешено»⁴. Решение губернатора по сути противоречило букве закона. Съезд, тем не менее, прошел, а вскоре последовала переписка В.М. Ламзина и А.Н. Хвостова с Департаментом полиции.

История съезда политических ссыльных в кабинете вологодского губернатора известна историографии. При этом историки сводили ситуацию к противоречивому «заигрыванию» местной администрации с ссыльными социалистами⁵. На эти оценки оказали влияние источники – в первую очередь, воспоминания политических ссыльных, в которых воспроизводились негативные представления о царской администрации периода «реакции»⁶. Сам образ А.Н. Хвостова, который и на тот момент уже не скрывал своего активного участия в черносотенном движении, казалось, противоречил его

² Начальник Вологодского губернского жандармского управления (ВГЖУ) – в Департамент полиции (ДП) по Особому отделу, 25 октября 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 6 об.

³ См.: *Хазихаметов Э.Ш., Букин А.Ф.* Протоколы III съезда политических ссыльных Тобольского уезда. 1–5 сентября 1906 г. // Омский научный вестник. 2002. Вып. 18. С. 12–18; *Бакиш Д.А.* «Колонии-коммуны» ссыльнопоселенцев Сибири как институт социального вспомоществования, 1905–1917 // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13, № 3. С. 84–98.

⁴ Начальник ВГЖУ – в ДП по Особому отделу, 25 октября 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 6–6 об.

⁵ *Михайлов Б.Г.* Большевики в вологодской ссылке. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1974. С. 27; *Славнитский Н.Р.* Съезд ссыльных Вологодской губернии в конце 1907 г.: по воспоминаниям участников и современников // Вестник Вологодского государственного университета. 2020. № 3 (18). С. 37–38.

⁶ *Трапезников В.Н.* В стране неволи // Каторга и ссылка. 1925. № 2. С. 214; *Кочетов П.* Вологодская ссылка 1907–1910 гг. // Каторга и ссылка. 1932. № 4. С. 79; *Мельников.* Стенограмма воспоминаний о колонии политических ссыльных в Грязовце и Вологде. [1933] // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 506. Оп. 1. Д. 486. Л. 18, 21.

благожелательному отношению к политическим ссыльным⁷. Мысль о непримиримом противостоянии власти и общества представлялась аксиоматичной для многих современников, в дальнейшем повлияв и на историографическую традицию⁸. Власть являлась источником разрешения или запрета собраний, объединений, организаций⁹. Между тем, в современной историографии широко обсуждается проблема единства действий администрации в Российской империи¹⁰, которую не всегда можно наблюдать даже в отношении революционного движения.

Конфликт, возникший между Ламзиным и Хвостовым, стал основой переписки каждого из них с Департаментом полиции. В центре их внимания были политические ссыльные революционеры – прежде всего, социал-демократы и эсеры, хотя среди сосланных были и представители других партий (Бунд, Польская социалистическая партия, Дашнакцутюн и т.д.), а большая часть была и вовсе беспартийной (на 1907 г. в губернии насчитывалось более полутора тысяч ссыльных)¹¹. В статье я обращаюсь к переписке двух представителей местной администрации как к источнику реконструкции

⁷ А.Н. Хвостов являлся почетным членом Союза русского народа (постоянно носил на груди значок СРН), благодаря его активности в губернии было создано 12 отделений Союза, насчитывавших к концу 1906 г. 5294 члена. Также он финансировал местную правую газету «Русский Север», издателем и редактором которой был его соратник – П.А. Барач. (Егоров А.Н. Организации правых партий в городах Европейского Севера России в начале XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1 (46), т. 2. С. 30). См. также: Иванов А.А. «Алексей Хвостов – у власти». Портрет правого политика // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 11. С. 193–202.

⁸ На это обращается внимание, в частности, в работе: Соловьев К.А. Бюрократия versus бюрократия: Парадоксы государственной службы в России в конце XIX – начале XX веков // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 113–121.

⁹ См.: Туманова А.С. Общественные организации в России. Правовое положение. 1860–1930-е гг. Москва: Проспект, 2019. С. 189–242.

¹⁰ Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. Санкт-Петербург: Алетей, 2020. С. 5; Рубцов А.А. От беспорядков к демонстрациям: интерпретация массовых политических выступлений 1870-х гг. российскими властями // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 115; Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. Москва: Политическая энциклопедия, 2018; Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: РОССПЭН, 2011.

¹¹ Коновалов Ф.Я. Политические ссыльные г. Вологды в 1907 г. (по материалам анкетирования колонии политссыльных) // История пенитенциарной системы России в XX веке: сборник материалов Международного научного семинара / под редакцией В.В. Попова и др. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 184–190; Обзор Вологодской губернии за 1907 год. Вологда: Типография Губернского правления, 1909. С. 28.

противоречащих друг другу способов интерпретации самоорганизации революционеров. Во второй части работы я контекстуализирую этот конфликт, обращая внимание на важные факторы, которые привели губернатора к принятию столь непонятного решения, а начальника ВГЖУ поставили в положение, когда ему самому приходилось отступать от буквы закона.

Основная часть

Съезд политических ссыльных открылся 10 октября 1907 г. в 14 часов в кабинете губернатора. На нем присутствовали губернатор, начальник ВГЖУ, уездные исправники, полицмейстер, правитель канцелярии губернатора, вице-губернатор, член губернского присутствия, прокурор Окружного суда и по два делегата от каждой уездной колонии политических ссыльных¹². Делегаты уездных колоний и местные исправники сидели друг напротив друга по разные стороны стола. В самом начале поднадзорным зачитали «Устав о ссыльных» – состоявший из нескольких сотен пунктов документ, который регламентировал как ответственность ссыльных, так и их правовое и материальное положение¹³. Ссыльные стали заявлять о нарушении своих прав¹⁴. По воспоминаниям одного из участников съезда, «исправники чувствовали себя, видимо, плохо, потому что они много на местах преувеличения власти позволили и не придерживались всяких правил и положений, которые даны были им, а также не знали[,] как отнесется (к этим обвинениям. – П. Т.) Хвостов»¹⁵.

В результате возникших споров между ссыльными и исправниками два делегата от великоустюгской колонии, Фридман и Машкин, демонстративно покинули заседание, заявив, что не готовы обсуждать общие вопросы ссылки в присутствии администрации, намекая якобы на В.М. Ламзина. Полицмейстер и все исправники, кроме великоустюгского, покинули кабинет Хвостова, и только после этого два делегата вернулись. Они, однако, сразу же потребовали ухода остальных представителей администрации. Губернатор уступил требованию ссыльных, предложив остаться на заседании лишь правителю

¹² Начальник ВГЖУ – в ДП по Особому отделу, 25 октября 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 7. Впрочем, число делегатов от политических ссыльных точно неизвестно. См.: *Славнитский Н.Р.* Съезд ссыльных Вологодской губернии в конце 1907 г. С. 38.

¹³ «Устав о ссыльных» был принят в 1857 г. Последние к моменту проведения съезда изменения «Устава» были приняты в 1890 г.

¹⁴ *Кочетов П.* Вологодская ссылка 1907–1910 гг. С. 79; Выписка из полученного агентурным путем письма: «Лузя», Усть-Сысольск, Вологодской губернии – к г-же Вельтман, для Анны Абрамовны, в Одессу, 31 октября 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 10.

¹⁵ *Мельников.* Стенограмма воспоминаний о колонии политических ссыльных в Грязовце и Вологде. [1933] // ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 486. Л. 33.

канцелярии и исправнику. Вице-губернатор Н.В. Мономахов отказался покидать кабинет, на что ссыльные, по словам Ламзина, растерявшись, ответили, что «не предполагали г-на Вице-Губернатора», в очередной раз намекнув на фигуру начальника ВГЖУ. Ламзин, описывая происходившее, продолжал: «Губернатор ответил, обращаясь ко мне: “Полковник выйдет”». При выходе Ламзина (и члена губернского присутствия С.П. Межакова-Каютова) из кабинета Хвостов объявил заседание закрытым. Оставшийся в кабинете Н.В. Мономахов впоследствии рассказал Ламзину о том, что в дальнейшем заседавшие обсуждали «нужды» поднадзорных¹⁶.

Второе заседание в присутствии полицмейстера было назначено на 21 час того же дня. Политические ссыльные, впрочем, его проигнорировали, собравшись вместо этого в частном доме для проведения нелегального заседания. Вскоре, однако, они были предупреждены околоточным надзирателем о том, что сотрудники ВГЖУ установили место нелегального собрания и уже направились для проведения обысков и арестов¹⁷.

История съезда политических ссыльных Вологодской губернии, казалось, завершилась. Тем не менее, объединения политических ссыльных по-прежнему не были запрещены, что вызывало опасения начальника ВГЖУ.

В.М. Ламзин в своем письме в Департамент полиции обращал внимание на угрозу общественной безопасности, особо заостряя внимание на возможности применения политическими ссыльными террористических методов борьбы. Во время Первой российской революции террористические акты обрели невиданный прежде размах, став одним из распространенных инструментов политической борьбы¹⁸. И Ламзин, и Хвостов получали в свой адрес угрозы, рискуя стать жертвами революционеров-террористов¹⁹. Опасения начальника ВГЖУ вызывало то обстоятельство, что под видом легального съезда в губернском центре или уездного собрания может производиться подготовка к террористическому акту²⁰. Страх перед терроризмом подкреплялся и тем обстоятельством, что среди ссыльных было много членов Партии социалистов-революционеров, Боевая организация которой зарекомендовала себя наиболее активной террористической группой начала XX века.

¹⁶ Начальник ВГЖУ – в ДП по Особому отделу, 25 октября 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 6 об.–7 об.

¹⁷ Кочетов П. Вологодская ссылка 1907–1910 гг. С. 79.

¹⁸ Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917 / перевод с английского Е. Дорман. Москва: КРОН-ПРЕСС, 1997. С. 171.

¹⁹ Начальник ВГЖУ – в ДП, 30 октября 1907 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 3 об.

²⁰ Начальник ВГЖУ – в ДП, 30 октября 1907 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 4.

В отличие от начальника ВГЖУ вологодский губернатор полагал, что деятельность революционеров и, тем более, террористов может вестись исключительно в подполье. Он писал в Департамент полиции:

С полной очевидностью несомненно, – что существование колоний, школ для детей ссыльных и т.п. организаций не могло облегчать деятельность революционных партий, так как никакие приготовления к террористическим актам, вооруженным восстаниям или пропаганде не могли бы быть обсуждаемы на многолюдном собрании в присутствии чина полиции²¹.

Из этого Хвостов заключал, что запрет легальных собраний может повлечь за собой активизацию подпольной деятельности, а, следовательно, и революционного терроризма. Легальным колониям политических ссыльных он отводил роль «предохранительного клапана», перенаправлявшего энергию недовольных радикалов в более умеренное русло²².

При всем различии взглядов на взаимоотношения власти и ссыльных общее беспокойство обоих чиновников вызывала малочисленность полицейского и жандармского штатов. Ламзин подчеркивал, что в таких условиях собрания ссыльных могут обернуться собраниями революционеров, которые будут проводиться в отсутствии представителя полиции или жандармерии. Хвостов же полагал, что, если малочисленный штат при все увеличивающемся количестве ссылаемых в Вологодскую губернию не может наладить эффективный контроль, то именно колонии позволили бы выстроить систему коллективной ответственности ссыльных. Делегаты от уездных колоний, по мысли губернатора, выполняли бы роль посредников между администрацией и поднадзорными, тем самым контролируя взаимоотношения внутри местных групп²³.

А.Н. Хвостов продолжал:

Что касается самих колоний, в коих участвовало менее половины общего числа ссыльных, то в их среде происходили постоянные раздоры, взаимные судьбища, большею частью по поводу растрат и проч., что давало легкую возможность приобретать агентов и отвлекать чрез посредство последних членов колоний от партийной противоправительственной работы²⁴.

²¹ Вологодский губернатор – в ДП // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 144. Д. 2369. Л. 13 об.

²² Там же.

²³ Вологодский губернатор – в ДП, 25 Января 1908 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 144. Д. 2369. Л. 8.

²⁴ Вологодский губернатор – в ДП // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 144. Д. 2369. Л. 13 об.

Действительно, чтобы стать членом колонии ссыльных, необходимо было соответствовать определенным, прописанным в уставах колоний, критериям²⁵. Члены сообщества контролировали и дисциплинировали друг друга, из чего, вероятно, губернатор и делал заключение о возможной посреднической роли колоний. В.М. Ламзин иначе интерпретировал ситуацию: если

«комитет колонии» допускает несостояние некоторых из ссыльных в своем «ведении», то даже с этой стороны «полезность» колоний сама собой отпадает²⁶.

Наконец, один из ключевых аргументов В.М. Ламзина заключался в том, что деятельность организаций политических ссыльных противоречит закону, к тому же она предоставляет поднадзорным ряд «преимуществ перед благонадежным населением – иметь свои собрания даже без присутствия чинов полиции»²⁷. Взамен того, что начальник ВГЖУ считал «несбыточными надеждами» и «дипломатическими приемами» со стороны А.Н. Хвостова по отношению к ссыльным, следовало бы установить «прямое отношение» и «деловые приемы» «на общепринятой закономерной почве»²⁸.

Губернатор, никак не комментируя обвинение в нарушении законодательства, ссылаясь на то обстоятельство, что организации политических ссыльных уже существовали к моменту его назначения на пост. Хвостов называл их «учреждениями благотворительного характера», которые он, «по ознакомлении с ссыльными», признал желательными²⁹.

Департамент полиции постановил запретить любые организации политических ссыльных, что губернатор и исполнил 11 марта 1908 г., заметив однако, что остается при своем прежнем мнении³⁰.

²⁵ Один из первых пунктов устава Яренской колонии политических ссыльных гласил: «Член колонии может быть исключен за упорное неподчинение уставу, а также за вред, причиняемый колонии его поступками» (*Шляпин В.П.* Политические ссыльные города Яренска // Записки Северо-Двинского Общества Изучения Местного Края. Вып. III. Великий Устюг: Совмысль, 1926. С. 29). Похожее объяснение встречается в уставе тотемской колонии: «Лица[,] замеченные в неблаговидных поступках и вредящие развитию колонии[,] не могут быть членами ее» (Устав колонии политических ссыльных г. Тотьмы // Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 108. Оп. 5. Д. 99. Л. 50 об.).

²⁶ Начальник ВГЖУ – в ДП // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 144. Д. 2369. Л. 5.

²⁷ Начальник ВГЖУ – в ДП по Особому отделу, 25 октября 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 6.

²⁸ Начальник ВГЖУ – в ДП, 30 октября 1907 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 4.

²⁹ Вологодский губернатор – в ДП, 25 января 1908 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 144. Д. 2369. Л. 8.

³⁰ Вологодский губернатор – в ДП, 31 марта 1908 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 627. Л. 16.

В результате переписки с Департаментом полиции губернатор и начальник ВГЖУ так и не переубедили друг друга. Их позиции были во многом основаны на профессиональных и личных взглядах, а также на влиянии той ситуации, в которой каждый из них оказался, вступив в должность в 1906 г. К тому времени А.Н. Хвостову едва исполнилось 34 года. Он получил образование в элитарном Императорском Александровском лицее, который окончил с серебряной медалью (1893 г.), после чего был определен на службу в Министерство юстиции. Последовательно занимал должности товарища прокурора Тверского (с 1898 г.) и Московского (с 1900 г.) окружных судов; минского (с 1904 г.) и тульского (с 1906 г.) вице-губернатора. По предположению исследователей, Хвостов получил должность вологодского губернатора благодаря семейным связям и личной протекции П.А. Столыпина³¹.

В.М. Ламзин был выходцем из семьи государственных крестьян Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Он был почти на 20 лет старше Хвостова. В 1875 г. Ламзин окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Он являлся участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг., принимал участие в штурме Плевны, получил несколько орденов³². В 1884 г. был прикомандирован к Отдельному корпусу жандармов, служил в Харьковском ГЖУ, затем – в Херсонском, где дослужился до помощника начальника управления. С 12 августа 1902 г. – полковник. В 1902–1906 гг. В.М. Ламзин возглавлял Витебское ГЖУ, еще несколько месяцев – Севастопольское. В 1906 г. он возглавил Вологодское ГЖУ.

К 1906 г. в Вологодской губернии колонии политических ссыльных возникли явочным порядком во всех уездах. Еще в ноябре 1904 г. ряд уездных групп ссыльных поддержали идею вологодской колонии создать общегубернскую организацию³³. Полковник Л.Г. Астафьев, в 1903–1905 гг. занимавший пост начальника ВГЖУ, в политическом обзоре за 1904 г. указывал на то, что местные ссыльные

³¹ Хвостовы – один из древних и богатых родов. На начало века многие родственники А.Н. Хвостова занимали высокие государственные посты. Его отец Николай Алексеевич и тесть Александр Николаевич Попов являлись сенаторами (с 1904 г.), дядя, Александр Алексеевич, – товарищем министра юстиции (с 1905 г.), другой дядя, Сергей Алексеевич, был пензенским губернатором, лично знакомым со Столыпиным. О протекции последнего см.: Куликов С.В. Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 74.

³² Орден Св. Анны 4-й ст. на оружии с надписью «За храбрость», орден Св. Станислава 3-й ст. (1877), орден Св. Анны 3-й ст. (1878), Св. Станислава 2-й ст. (1890), Св. Анны 2-й ст. (1900), Св. Владимира 3-й ст. (1906).

³³ Михайлов Б.Г. Большевики в вологодской ссылке. С. 27.

не могут считаться примиренными с вопросами государственного и общественного устройства, они не бросают своих убеждений, за которые уже пострадали, но, отбывая наказание, продолжают пропаганду³⁴.

Среди них, продолжал Астафьев, много интеллигентов, которые даже не скрывают своей принадлежности к революционным кругам:

Все это им дает возможность считать себя сильными, особенно если они к этому еще видят дальнейшее бессилие власти против своего вызывающего поведения³⁵.

В свою очередь, его предшественник, полковник В.Д. Самарин (1902–1903) возлагал на губернатора Л.М. Князева (1901–1902) вину за «совершенно ненормальный режим касательно политических ссыльных», которые получили «все возможные послабления»³⁶.

После начала Первой российской революции численность ссыльных увеличилась, при этом число сотрудников полиции и ГЖУ сохранилось прежним. Приступив к своим обязанностям, Хвостов направил директору Департамента полиции М.И. Трусевичу свои предложения об усовершенствовании надзора за политическими ссыльными. К тому моменту число ссыльных составляло 1 297 чел., а штат сотрудников полиции и жандармерии оставался по-прежнему малочисленным, и даже городских на всю губернию насчитывалось лишь 147 чел. Приведенные губернатором статистические данные должны были убедить Трусевича в необходимости увеличить финансирование полиции и жандармерии. Политические ссыльные, со слов Хвостова, «решили организовать в пределах Вологодской губернии базис для будущих революционных действий как по отношению к Петербургу, так и к Москве». По его расчетам, необходимо было выделить дополнительные средства для 257 надзирающих, для чего потребовалось бы 3 855 руб. в месяц (для сравнения: за полгода с марта по август 1906 г. из Департамента полиции было получено всего 5 315 руб.). Еще один шаг на пути к разрешению проблемы Хвостов видел в прекращении высылки в Вологодскую губернию,

³⁴ Из политического обзора ВГЖУ за 1904 г. ссыльных в Вологодской губернии – сведения о пребывании // Старая Вологда. XII – начало XX в.: Сборник документов и материалов / составитель Л.Н. Мясникова. Вологда: Легия, 2004. С. 265–266.

³⁵ Из политического обзора ВГЖУ за 1904 г. ссыльных в Вологодской губернии – сведения о пребывании. С. 265–266.

³⁶ Из политического обзора ВГЖУ за 1902 г. – сведения о покровительстве вологодским ссыльным со стороны председателя губернской земской управы В.А. Кудрявого и губернатора Л.М. Князева // Старая Вологда. XII – начало XX в.: Сборник документов и материалов / составитель Л.Н. Мясникова. Вологда: Легия, 2004. С. 260–261.

освобождении некоторых ссыльных (по решению губернатора), установлении должности помощника полицмейстера, увеличении содержания трех приставов городской полиции и открытии должностей их помощников. Ввиду малочисленности сотрудников он также считал полезным «для общего по губернии заведывания» политическими ссыльными командирование «особого лица, имеющего непосредственное сношение с Департаментом Полиции, способного поставить надлежащим образом дело политического наблюдения»³⁷.

Ни одно из предложений губернатора не было реализовано. Между тем, финансовые проблемы усугублялись. Товарищ министра внутренних дел, излагая обстоятельства финансирования поднадзорных и надзирателей по всей империи, в декабре 1906 г. докладывал о нехватке материальных средств: на 1 декабря только на содержание поднадзорных было «перерасходовано» 256 657 руб.³⁸ Таким образом, вопрос стоял не столько об увеличении штата сотрудников полиции и жандармерии, сколько о снабжении ссыльных.

Из агентурных сведений и перлюстрированных писем до сведения начальника ВГЖУ доходила информация об устройстве в Усть-Сысольске общественной столовой, в которой политические ссыльные планировали организовать чтения для народа³⁹, о регулярных собраниях великоустюгских ссыльных для обсуждения экономических нужд и организации школы⁴⁰. В марте 1908 г. тотемский политический ссыльный В.О. Орис, объясняя, почему он отказался бежать из ссылки в Нью-Йорк, хотя уже получил деньги на побег, писал своему адресату в США:

Вологодская ссылка является в настоящее время высшей школой для деятелей будущей великой кампании за освобождение России. Организованная колония, легальная, как это ни странно, научно подготавливает будущих вождей пролетариата. Здесь полная свобода собраний, ежедневно рефераты, лекции, дискуссии. Литературы много и какой угодно. Все мы усиленно занимаемся, расширяя свой умственный багаж. Ссылка многому учит. Лично для меня, два года без устали

³⁷ И. д. Вологодского губернатора А.Н. Хвостов – М.И. Трусевичу, Директору ДП, август 1906 г. // ГАВО. Ф. 18. Оп. 5. Д. 6. Л. 63–65.

³⁸ Товарищ министра внутренних дел. Об ассигновании дополнительных кредитов на содержание и наем особых полицейских служителей для надзора за политическими ссыльными. Изложение дела, 29 декабря 1906 г. // Российской государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 107. Л. 1–1 об.

³⁹ Из агентурных сведений – Устьсысольскому исправнику, 14 августа 1907 г. // ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 999. Л. 50.

⁴⁰ Рапорт Великоустюгского пристава – Великоустюгскому исправнику, 29 января 1908 г. // Записки Северо-Двинского Общества Изучения Местного Края. С. 52–53.

работавшему в движении, она является просто земным раем. Я работаю теперь с удвоенной энергией, с твердой верой в близкую уже победу⁴¹.

Неизвестно, насколько слова В.О. Ориса соответствовали действительности: на самом ли деле политическим ссыльным удалось хотя бы на короткое время организовать работу таким образом, что ссылка стала «высшей школой» революционеров, или же он пытался оправдать свой отказ отправиться в Нью-Йорк, несмотря на полученные на дорогу средства. Так или иначе, доходившие сведения свидетельствовали о следующем: внутри губернии уровень самоорганизации политических ссыльных был крайне высок, и сотрудники ВГЖУ не могли исправить ситуацию, поскольку губернатор официально разрешал объединения поднадзорных.

С развитием революционного движения, в циркулярах, отправляемых местным начальникам ГЖУ, все чаще отмечалась необходимость контролировать любые подозрительные организации. В циркуляре от 24 августа 1905 г. «первейшей обязанностью» жандармов называлось «ближайшее ознакомление с характером, целями и способами действий тайных организаций», без которого работа сотрудников

будет сводиться лишь к временному, часто случайному, изъятию из преступной среды отдельных ее представителей, или задержанию одних средств пропаганды, которыми они пользуются⁴².

В то же время кризис, вызванный нехваткой средств, стал системным. С приближением зимы 1907–1908 гг. начальник ВГЖУ регулярно получал сведения о «беспорядках» и «сильных брожениях», вызванных недовольством ссыльных из-за невыдачи пособий и комплектов зимней одежды⁴³. Так, В.М. Ламзин телеграфировал в Департамент полиции следующее:

Настроение ссыльных, – возбужденное [в] дальних уездах вследствие неассигновки и невыдачи пособия за декабрь <...>. [С]егодня пособие выдается [–] настроение здесь успокоенное⁴⁴.

⁴¹ Копия выписки из письма политического ссыльного В.О. Ориса, Тотма, Вологодская губерния – к г. Орис, Нью-Йорк, 16 марта 1908 г. // ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2249. Л. 3.

⁴² Циркуляр Департамента полиции начальникам губернских и областных жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов о регулярном предоставлении Особому отделу отчетов о деятельности революционных партий. 24 августа 1905 г. // Записки Северо-Двинского Общества Изучения Местного Края. С. 63–65.

⁴³ Телеграмма начальнику ВГЖУ // ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 999. Л. 63.

⁴⁴ Телеграмма начальника ВГЖУ В. М. Ламзина – в ДП // ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 999. Л. 65.

В другой телеграмме начальник ВГЖУ признавал, что «положение многих ссыльных тягостное», и просил о немедленном отпуске пособий, «иначе действительно могут быть беспорядки»⁴⁵. Вскоре Ламзин получил донесение усть-сысольского жандармского унтер-офицера Макарова, в котором указывалось:

[П]очти в начале каждого месяца происходят со стороны ссыльных ропота и негодование на правительство, говоря: «что правительство выслало нас сюда голодать и умирать голодной смертью»⁴⁶.

Ссыльные, по словам Макарова, угрожали местному исправнику, что, в случае невыдачи пособий в течение трех дней, будут вынуждены заниматься грабежами и экспроприациями. Исправник неоднократно посылал телеграммы Хвостову о необходимости отпуска средств, но не получил никакого ответа. В результате, по словам Макарова, исправник

был вынужден взять у местных торговцев заимообразно денег — до 600 рублей и удовлетворить более нуждающихся ссыльных⁴⁷.

В марте 1908 г. дело дошло до вооруженного разгона полицией собрания сольвычегодских политических ссыльных, которые требовали немедленной выдачи пособий. 11 марта поднадзорные решили собраться за городом в количестве до 100 человек, но были замечены полицией и разошлись. На следующий день они снова собрались в 11 часов утра, но уже у полицейского управления, требуя выдачи «одежных денег». Постепенно число собравшихся возрастало. Полиция пригрозила применить оружие, но ссыльные отказались расходиться по домам:

вся толпа как один человек закричала, что расходиться никто не будет, чтобы с ними ни делали[,] и что они ничего не боятся⁴⁸.

Толпу разогнали прикладами ружей, несколько поднадзорных, как докладывал стражник, «получили контузии», полицейские чины не пострадали⁴⁹. Ситуация

⁴⁵ Телеграмма начальника ВГЖУ В. М. Ламзина — в ДП, 13 декабря 1907 // ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 999. Л. 64.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Унтер-офицер дополнительного штата ВГЖУ г. Усть-Сысольска — начальнику ВГЖУ, 15 декабря 1907 г. // ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 999. Л. 66–67.

⁴⁸ Сольвычегодский исправник — начальнику ВГЖУ, 12 марта 1908 г. // ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 999. Л. 84–85 об.

не разрешилась и к началу следующей зимы. Жандармский унтер-офицер Таскаев докладывал начальнику ВГЖУ о тайных собраниях усть-сысольских ссыльных «с целью для обсуждения вопроса на счет зимних одежных денег». Перед этим представители местной ссылки обращались к исправнику с просьбой решить вопрос с выдачей пособий и комплектов зимней одежды. Когда исправник ответил отказом «за неполучением ассигновки на одежные деньги», поднадзорные организовали собрание с целью выбрать уполномоченных для обращения к губернатору⁵⁰.

Как утверждает З. Перегудова, «правовое положение ГЖУ было таково, что вносило ряд сложностей в их работу и взаимоотношения с местной администрацией»⁵¹. В обязанности ГЖУ входил широкий круг вопросов, включая наблюдение за настроениями населения, пресечение беспорядков, производство дознаний по делам о государственных преступлениях, осуществление надзора, розыск укрывающихся от преследований власти, оказание помощи полиции в восстановлении нарушенного порядка и т.д. При этом губернатор, будучи формальным главой всей местной губернской администрации, по закону являлся первым в губернии блюстителем прав верховной власти, располагавшим распорядительной и надзорной властью. На него был возложен надзор за правительственными и общественными учреждениями⁵². При министре внутренних дел В.К. Плеве, который был одним из главных выразителей идеи усиления власти губернаторов, в их подчинение вошли жандармские управления⁵³. Таким образом, сферы деятельности губернатора и начальника ГЖУ зачастую пересекались, что могло приводить к конфликтам.

Губернатор получал сведения о настроениях в губернии и о «подозрительной» деятельности населения из донесений уездных исправников и лично начальника ГЖУ, кроме того, ему предписывалось совершать объезды территорий губернии. Собранную информацию, сформулированную в самых общих чертах, губернатору поручалось регулярно отправлять в Департамент

⁴⁹ Рапорт заведующего пешим отделом полицейской стражи Вологодской губернии – губернскому инспектору полицейской стражи, 17 марта 1908 г. // ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 999. Л. 86.

⁵⁰ Унтер-офицер дополнительного штата ВГЖУ Таскаев – начальнику ВГЖУ, 8 декабря 1908 г. // ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 999. Л. 141–141 об.

⁵¹ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). Москва: РОССПЭН, 2000. С. 113.

⁵² Корелин А.П. Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. // История и историки: историографический вестник / под редакцией А.Н. Сахарова. Москва: Наука, 2006. С. 185.

⁵³ Корелин А.П. Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. С. 195.

полиции. И если он отвечал за общее состояние губернии, то от начальника ГЖУ требовалось отчитываться по более специализированному спектру вопросов и соблюдать циркуляры Департамента полиции и МВД.

Не менее важно и то обстоятельство, что губернаторы, по утверждению Р. Роббинса, даже в случае серьезных правонарушений могли сохранить свою должность, если обладали неформальными связями с определенными высокопоставленными лицами⁵⁴.

Если ответственный за «общее состояние» губернии А.Н. Хвостов рассчитывал снизить радикальную активность политических ссыльных, объединив их в легальную организацию, то В.М. Ламзин, не разделявший подобных чаяний губернатора, но вынужденный выполнять его указания, нарушал один из центральных циркуляров Департамента полиции. Таким образом, инициатива губернатора сводила на нет многие усилия начальника ВГЖУ.

Можно предположить, что в условиях нехватки материальных средств для снабжения поднадзорных и создания штата секретных сотрудников А.Н. Хвостов своими разрешениями надеялся смягчить конфликты между ссыльными и местной властью. Рассматривая съезд ссыльных как форум, в котором принимают участие и поднадзорные, и некоторые представители местной власти, губернатор, вероятно, рассчитывал и на попытку объяснить невыдачу или задержку пособий рядом обстоятельств, которые не зависели от губернской и уездной администрации.

Однако инициатива А.Н. Хвостова не привела к разрешению проблемы материального обеспечения; не была реализована и еще одна задача, упомянутая Хвостовым, – организация института секретных сотрудников⁵⁵. Более того, революционный терроризм по-прежнему оставался угрозой для местной власти и общества⁵⁶. Организации политических ссыльных

⁵⁴ Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. 1993. № 1. С. 210.

⁵⁵ Как утверждает Ф.Я. Коновалов, трудно говорить о какой-либо секретной агентуре в Вологодской губернии в 1907 г. По его подсчетам, за 1908 г. было привлечено к сотрудничеству 15 человек (Коновалов Ф.Я. Секретная агентура провинциальных губернских жандармских управлений в начале XX в. (на материалах Вологодского губернского жандармского управления) // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 91–93). Очевидно, что и 15 секретных агентов не могли составить эффективно налаженную сеть, которая бы смогла предотвратить протесты поднадзорных. К этому следует добавить и сравнительно низкий профессиональный уровень провинциальных агентов, а также отсутствие материальных стимулов в их работе (Коновалов Ф.Я. Секретная агентура провинциальных губернских жандармских управлений в начале XX в. С. 113).

⁵⁶ См.: Коновалов Ф.Я. «Посланный вооружен револьвером...» (из истории великоустюгской ссылки) // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 1 / под редакцией В.А. Саблина. Вологда: Русь, 1995. С. 123–131.

продолжали существовать, но уже на нелегальных основаниях. Представителям местной администрации так и не удалось добиться увеличения финансирования полиции и жандармерии, реорганизовать систему надзора за ссыльными; и даже с введением немногочисленной сети тайных агентов самоорганизация политических ссыльных оставалась значимой проблемой для ВГЖУ⁵⁷.

Заключение

Организация съезда политических ссыльных в кабинете губернатора – довольно одиозный шаг, который А.Н. Хвостов совершил перед лицом прогнозируемой им радикализации политических ссыльных и их возможных столкновений с полицией. Несмотря на участие в черносотенном движении, губернатор стремился продемонстрировать лояльность политическим преступникам – революционерам. Во многом подобные действия следует считать следствием тех ограничений, с которыми столкнулся губернатор: невозможностью налаживания эффективной агентурной сети, пополнения штата полиции и жандармерии, нехваткой материальных ресурсов. Те же проблемы были актуальны и для начальника ВГЖУ, однако В.М. Ламзин не считал приемлемым тот вариант выхода из критической ситуации, к которому прибегнул Хвостов.

Ограничения, с которыми столкнулись два представителя местной администрации Вологодской губернии, не были уникальны. Напротив, они носили систематический характер и были типичны для большинства предназначенных для ссылки губерний империи. Следует признать, что одним из важнейших источников проанализированного противостояния стало пересечение сфер влияния двух представителей местной власти при разных зонах ответственности каждого из них.

Конфликт Хвостова и Ламзина отражает разные способы концептуализации революционной самоорганизации, за которыми следовали противоречившие друг другу заключения – строгий запрет, основанный на законном праве, или же легализация отдельных ее форм с целью дерадикализации. Формально эти противоречия были сняты решением Департамента полиции закрыть любые общества ссыльных. Однако подобные организации продолжали свою деятельность, вернувшись к нелегальному положению.

⁵⁷ Шляпин В.П. Политические ссыльные города Яренска. С. 34.

Introduction

In early October 1907, Colonel Vissarion M. Lamzin, head of the Vologda Governorate Gendarme Department (VGGD), received an extract from a perlustrated letter written by a Yarensk political exile:

In about two days, I will probably go to Vologda where a conference of representatives of all the exiles from Vologda Governorate is convened.¹

V. Lamzin did not know anything about the upcoming meeting of the exiles. Moreover, he was amazed when he had discovered that it was Governor Aleksey N. Khvostov who organized the conference (congress) of political exiles. He had decided to invite the representatives of each uyezd colony to his office without informing the VGGD head.² The congress of political exiles was not a unique event; the exiles held meetings of district delegates in various governorates, but those meetings were illegal.³

On the eve of the congress, the exiles regularly discussed the current state of affairs and elected delegates to represent each uyezd colony. According to V. Lamzin, the VGGD officers were unable to suppress such activities and “arrest the meetings, as in each instance they were told that the meeting was permitted.”⁴ In fact, the governor’s decision contradicted the law. However, the congress was held, and V. Lamzin and A. Khvostov began to correspond with the Police Department.

The congress of political exiles that took place in the Vologda governor’s office is known in historiography. The situation is considered as a contradictory “flirtation” between the local administrators and the exiled Socialists.⁵ These conclusions are

¹ “Vypiska iz poluchennogo agenturnym putem pis'ma: ‘Iosif’, Yarensk, Vologodskoi gubernii – k Anne Naumovne Gurevich, Kiev, 2 oktyabrya 1907 goda” [Extract from a letter received by an agent: “Joseph”, Yarensk, Vologda Governorate – to Anna Naumovna Gurevich, Kiev, October 2, 1907]. F. 102, op. 237, d. 627, l. 1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

² “Nachal'nik Vologodskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya (VGZhU) – v Departament politsii (DP) po Osobomu otdelu, 25 oktyabrya 1907 g.” [Head of the Vologda Governorate Gendarme Department (VGGD) – to the Police Department (PD) for the Special Office, October 25, 1907]. F. 102, op. 237, d. 627, l. 6 ob. GARF.

³ See E.Sh. Khazikhametov, and A.F. Bukin, “Protocols of the Third Congress of Political Exiles from Tobolsk Uyezd. September 1–5, 1906” [in Russian], *Omskii nauchnyi vestnik*, iss. 18 (2002): 12–18; D.A. Baksht, “‘Communal Colonies’ of Siberian Exiles as an Institution of Social Assistance, 1905–1917” [in Russian], *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, vol. 13, no. 3 (2017): 84–98.

⁴ “Nachal'nik VGZhU – v DP po Osobomu otdelu, 25 oktyabrya 1907 g.” [The VGGD head – to the PD for the Special Office, October 25, 1907]. F. 102, op. 237, d. 627, l. 6–6 ob. GARF.

⁵ B.G. Mikhailov, *Bolsheviks in Vologda Exile* [in Russian]. (Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1974), 27; N.R. Slavnitskii, “Congress of Exiles in the

based on some sources, primarily the memoirs of political exiles which reproduced the negative perceptions of the tsarist administration during the “reactionary” period.⁶ At that time A. Khvostov no longer concealed his active participation in the Black Hundreds movement, and his image seemed to contradict his benevolent attitude towards political exiles.⁷ The idea of an uncompromising struggle between power and society was axiomatic for many of his contemporaries, and later it influenced the historiographical tradition.⁸ It was the authorities that allowed or prohibited meetings, associations, and organizations.⁹ Meanwhile, modern historiography widely discusses the problem of the administration unity in the Russian Empire,¹⁰ which is not always observed even in relation to the revolutionary movement.

The conflict that arose between Lamzin and Khvostov laid the foundation for the correspondence of each of them with the Police Department. They focused their

Vologda Province in Late 1907: The Participants’ Memoirs” [in Russian], *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (18) (2020): 37–38.

⁶ V.N. Trapeznikov, “In the Land of Bondage” [in Russian], *Katorga i ssylka*, no. 2 (1925): 214; P.P. Kochetov, “The Vologda Exile in 1907–1910” [in Russian], *Katorga i ssylka*, no. 4 (1932): 79; Mel’nikov, “Stenogramma vospominanii o kolonii politicheskikh ssyl’nykh v Gryazovtse i Vologde. [1933]” [Transcript of memories about the political exiles’ colony in Gryazovets and Vologda. [1933]]. F. 506, op. 1, d. 486, ll. 18, 21. Tsentral’nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Archive of Saint Petersburg] (TsGA SPb), St Petersburg, Russia.

⁷ A.N. Khvostov was an honorary member of the Union of the Russian People (he always wore the URP badge on his chest). Thanks to his activity, 12 branches of the Union with a total of 5,294 members had been established in the governorate by the end of 1906. He also financed the local right-wing newspaper *Russkii Sever*, which was published and edited by his associate P.A. Barach. (A.N. Egorov, “Organizations of Right-Wing Parties in the Cities of Northern European Russia at the Beginning of the 20th Century” [in Russian], *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (46), vol. 2 (2013): 30). See also A.A. Ivanov, “‘Aleksey Khvostov in Power.’ The Portrait of a Right-Wing Politician” [in Russian], *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 11 (2008): 193–202.

⁸ This is particularly emphasized in the following work: K.A. Solov’ev, “Bureaucracy versus Bureaucracy: Paradoxes of Public Service in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries” [in Russian], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (144) (2017): 113–21.

⁹ See A.S. Tumanova, *Public Organizations in Russia. Legal Status. 1860–1930s* [in Russian] (Moscow: Prospekt, 2019), 189–242.

¹⁰ L.V. Ul’yanova, *Political Police and Liberation Movement in the Russian Empire: The Power of Play, the Play of Power. 1880–1905* [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya, 2020), 5; A.A. Rubtsov, “From Unrest to Demonstrations: The Policy of the Russian Authorities Regarding Mass Political Actions of the Radical Youth of the 1870s” [in Russian], *Antropologicheskii forum*, no. 44 (2020): 115; K.A. Solov’ev, *Political System of the Russian Empire in 1881–1905: The problem of Lawmaking* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018); K.A. Solov’ev, *Legislative and Executive Power in Russia: Interaction Mechanisms (1906–1914)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2011).

attention on the political exiles and revolutionaries, primarily on social democrats and socialist revolutionaries. Nevertheless, there were also representatives of other parties (the Bund, the Polish Socialist Party, Dashnaktsutyun, etc.) and many of the exiles were non-partisan (in 1907, there were more than 1,500 exiles in the governorate).¹¹ In this article, I refer to the correspondence between two local administrators as a source to reconstruct two contradictory ways of interpreting the revolutionaries' self-organization. In the second part of the article, I contextualize this conflict by highlighting the key factors that made the governor make such an incomprehensible decision and put the VGGD head in a position where he had to depart from the letter of the law.

Main body

The congress of political exiles started on October 10, 1907 at 2 p.m. in the governor's office. It was attended by the governor, the VGGD head, the district police officers, the police chief, the governor's office manager, the vice-governor, a member of the governorate administration, the governorate court prosecutor, and two delegates from each uyezd colony of political exiles.¹² The delegates from uyezd colonies and the local police officers sat opposite each other on different sides of the table. At the very beginning of the congress, the "Regulations on Exiles" were read. This document consisted of several hundred clauses and regulated the responsibility of the exiles as well as their legal and financial status.¹³ The exiles claimed violations of their rights.¹⁴ According to the memoirs of one of the congress participants, "the police officers probably felt confused, as they allowed the authorities to go too far

¹¹ F.Ya. Konovalov, "Political Exiles in Vologda in 1907 (Based on the Survey of the Political Exile Colony)" [in Russian], in *History of the Russian Penitentiary System in the 20th Century: Proceedings of the International Scientific Seminar*, ed. V.V. Popov et al. (Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2007), 184–90; *Overview of Vologda Governorate in 1907* [in Russian] (Vologda: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1909), 28.

¹² "Nachal'nik VGZhU – v DP po Osobomu otdelu, 25 oktyabrya 1907 g." [The VGGD head – to the PD for the Special Office, October 25, 1907]. F. 102, op. 237, d. 627, l. 7. GARF. However, the exact number of delegates from political exiles is unknown. See Slavitskii, "Congress of Exiles in the Vologda Province," 38.

¹³ The Regulations on Exiles were adopted in 1857. The last changes to the Regulations were made in 1890.

¹⁴ Kochetov, "The Vologda Exile in 1907–1910," 79; "Vypiska iz poluchennogo agenturnym putem pis'ma: 'Luzya', Ust'-Sysol'sk, Vologodskoi gubernii – k g-zhe Vel'tman, dlya Anny Abramovny, v Odessu, 31 oktyabrya 1907 g." [Extract from a letter received by an agent: "Luzya," Ust'-Sysolsk, Vologda Governorate – to Mrs. Veltman, for Anna Abramovna, to Odessa, October 31, 1907]. F. 102, op. 237, d. 627, l. 10. GARF.

and violated all the relevant rules and regulations, and they also did not know how Khvostov would react (to the accusations – P. T.).”¹⁵

As a result of the disputes that arose between the exiles and the police officers, two delegates from the Veliky Ustyug colony, Fridman and Mashkin, defiantly left the meeting. They claimed that they were not ready to discuss the general issues on exile in the presence of the administrators, allegedly referring to V. Lamzin. The police chief and all the police officers except for the officer from Veliky Ustyug left Khvostov’s office, and only then did the two delegates return. However, they immediately demanded that the other administrators leave. The governor complied with the exiles’ request, allowing only the office manager and the police chief to stay. Vice-governor N. Monomakhov refused to leave the office. According to Lamzin, the exiles got confused and responded that “they had not meant the vice-governor to leave,” implying the VGGD head once again. “The governor turned to me and said, ‘The colonel will leave’,” Lamzin continued. When Lamzin (and S. Mezhakov-Kayutov, a member of the governorate administration) left the office, Khvostov declared the meeting adjourned. N. Monomakhov, who stayed in the office, told Lamzin later that the participants had discussed the “needs” of the exiles.¹⁶

The second meeting was scheduled for 9 p.m. on the same day in the presence of the police chief. However, the political exiles ignored the meeting. Instead, they arranged an illegal meeting in a private house. Soon, the local inspector warned them that the VGGD officers had discovered the location of their illegal meeting and were on their way to conduct searches and make arrests.¹⁷

The history of the congress of political exiles in Vologda Governorate seemed to come to its end. Nevertheless, the associations of political exiles were not prohibited and caused concern of the VGGD head.

In his letter to the Police Department, V. Lamzin drew attention to the threat to public safety, emphasizing the potential for political exiles to use terrorist methods of struggle. During the First Russian Revolution, terrorist acts were numerous and became a common tool of political struggle.¹⁸ Both Lamzin and Khvostov received threats and were facing the risk of falling victims to revolutionary terrorists.¹⁹ The

¹⁵ Mel'nikov, “Stenogramma vospominanii o kolonii politicheskikh ssyl'nykh v Gryazovtse i Vologde. [1933]” [Transcript of memoirs about the political exiles’ colony in Gryazovets and Vologda. [1933]]. F. 506, op. 1, d. 486, l. 33. TsGA SPb.

¹⁶ “Nachal'nik VGZhU – v DP po Osobomu otdelu, 25 oktyabrya 1907 g.” [The VGGD head – to the PD for the Special Office, October 25, 1907]. F. 102, op. 237, d. 627, ll. 6 ob.–7 ob. GARF.

¹⁷ Kochetov, “The Vologda Exile in 1907–1910,” 79.

¹⁸ A. Geifman, *Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917* [in Russian], trans. Ye. Dorman (Moscow: KRON-PRESS, 1997), 171.

¹⁹ “Nachal'nik VGZhU – v DP, 30 oktyabrya 1907” [The VGGD head – to the PD, October 30, 1907]. F. 102, op. 237, d. 627, l. 3. GARF.

VGGD head was concerned that a terrorist act might be prepared under the guise of a legal congress in the governorate center or uyezd assembly.²⁰ The fear of terrorism was also reinforced by the fact that many of the exiles were members of the Socialist Revolutionary Party, whose Combat Organization had proven to be the most active terrorist group in the early 20th century.

Unlike the VGGD head, the Vologda governor believed that the activities of revolutionaries and particularly terrorists could only be carried out in the underground. He wrote to the Police Department the following:

It is absolutely clear that the existence of colonies, schools for the exiles' children, and similar institutions could not facilitate the activities of revolutionary parties, as no preparations for terrorist acts, armed uprisings, or propaganda could be discussed in a mass assembly in the presence of a police officer.²¹

This made Khvostov conclude that the prohibition of legal meetings could lead to an increase in underground activities and, consequently, revolutionary terrorism. He considered legal colonies of political exiles as a “safety valve” that redirected the energy of discontented radicals into a moderate direction.²²

Despite their different views on the relationship between the authorities and the exiles, both officials worried about the paucity of police and gendarmerie personnel. Lamzin emphasized that in such circumstances, meetings of exiles could potentially turn into meetings of revolutionaries, and they would be held without a police or gendarmerie representative. As for Khvostov, he believed that if the limited number of personnel was unable to effectively monitor the increasing number of exiles in Vologda Governorate, it should be in the colonies where a system of the exiles' collective responsibility could be established. According to the governor, delegates from the uyezd colonies could act as intermediaries between the administrators and the exiles, thereby controlling the relationship within the local groups.²³

A. Khvostov continued:

As regards the colonies, of which less than half of all exiles were a part, there were constant quarrels and disputes, mostly related to embezzlement and other

²⁰ “Nachal'nik VGZhU – v DP, 30 oktyabrya 1907” [The VGGD head – to the PD, October 30, 1907]. F. 102, op. 237, d. 627, l. 4. GARF.

²¹ “Vologodskii gubernator – v DP” [The Vologda governor – to the PD]. F. 102, op. 144, d. 2369, l. 13 ob. GARF.

²² Ibid.

²³ “Vologodskii gubernator – v DP, 25 Yanvarya 1908 g.” [The Vologda governor – to the PD, January 25, 1908]. F. 102, op. 144, d. 2369, l. 8. GARF.

matters, and this made it easy to find agents and use them to distract the members of the colonies from their anti-government activities.²⁴

Actually, in order to become a member of a colony, it was necessary to meet certain criteria specified in the colony's regulations.²⁵ Colony members controlled and disciplined each other, and this fact is likely to lead the governor to the conclusion about the colonies' intermediary role. V. Lamzin interpreted the situation differently:

if the "colony committee" supposes that some of the exiles under its "authority" are inefficient, the colonies are evidently "useless" even from this point of view.²⁶

Finally, one of V. Lamzin's key arguments was that the political exiles' organizations acted contrary to the law and provided the exiles with a number of "advantages over the reliable population, such as the ability to hold meetings without the police representatives."²⁷ What the VGGD head considered "unrealistic hopes" and Khvostov's "diplomatic tactics" towards the exiles should be replaced with "direct relations" and "business practices" "based on the generally accepted legal framework."²⁸

Without commenting on the accusation of violating the law, the governor mentioned that the organizations of political exiles had already existed by the time he was appointed to the post. Khvostov called these organizations "charitable

²⁴ "Vologodskii gubernator – v DP" [The Vologda governor – to the PD]. F. 102, op. 144, d. 2369, l. 13 ob. GARF.

²⁵ One of the first clauses of the regulations for Yarensk colony of political exiles stated: "A member of the colony may be expelled for persistent disobedience to the colony's rules as well as for harm to the colony caused by his actions." (V.P. Shlyapin, "Political Exiles from the Town of Yarensk" [in Russian], in *Notes of the North-Dvina Society for the Study of Local Area*, iss. 3 (Veliky Ustyug: Sovmysl', 1926), 29). A similar explanation is found in the regulations of the Totma colony: "Persons who commit indiscretions and hamper the colony's development cannot be its members." ("Ustav kolonii politicheskikh ssyl'nykh g. Tot'my" [Regulations on the Political Exiles Colony in Totma]. F. 108, op. 5, d. 99, l. 50 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Vologdskoi oblasti [State Archive of Vologda Oblast] (GAVO), Vologda, Russia).

²⁶ Nachal'nik VGZhU – v DP" [The VGGD head – to the PD]. F. 102, op. 144, d. 2369, l. 5. GARF.

²⁷ "Nachal'nik VGZhU – v DP po Osobomu otdelu, 25 oktyabrya 1907 g." [The VGGD head – to the PD for the Special Office, October 25, 1907]. F. 102, op. 237, d. 627, l. 6. GARF.

²⁸ "Nachal'nik VGZhU – v DP, 30 oktyabrya 1907" [The VGGD head – to the PD, October 30, 1907]. F. 102, op. 237, d. 627, l. 4. GARF.

institutions” that he had deemed desirable after “familiarizing himself with the exiles.”²⁹

The Police Department prohibited all political exiles’ organizations, and the governor implemented this order on March 11, 1908, although he did not change his mind.³⁰

The correspondence with the Police Department did not help the governor and the VGGD head to convince each other. Their opinions were based on their professional and personal views as well as on the situation in which they found themselves when they were appointed to their posts in 1906. By that time, A. Khvostov was 34 years old only. He received his education at the elite Imperial Alexander Lyceum, from which he graduated with a silver medal (1893). He successively held the positions of Assistant Prosecutor in the Tver District Court (since 1898) and the Moscow District Court (since 1900) and Vice-Governor of Minsk (since 1904) and Tula (since 1906). According to researchers, Khvostov was appointed Governor of Vologda due to his family connections and P. Stolypin’s personal support.³¹

V. Lamzin came from a family of state-owned peasants from Bakhmut Uyezd of Yekaterinoslav Governorate. He was almost 20 years older than Khvostov. In 1875, Lamzin graduated from Elisavetgrad Cavalry Academy. He participated in the Russo–Turkish War of 1877–78, took part in the assault of Plevna and was awarded several orders.³² In 1884, he was assigned to the Special Corps of Gendarmes, served in the Kharkov GGD, then in the Kherson GGD, where he rose to the position of Assistant Chief of the Department. On August 12, 1902, he was promoted to the rank of colonel. From 1902 to 1906, V. Lamzin was the head of the Vitebsk GGD and then of the Sevastopol GGD (for a few more months). In 1906, he became the head of the Vologda GGD.

By 1906, political exile colonies had spontaneously emerged in all the uyezds of Vologda Governorate. As early as November 1904, a number of district groups of

²⁹ “Vologodskii gubernator – v DP, 25 yanvarya 1908 g.” [The Vologda governor – to the PD, January 25, 1908]. F. 102, op. 144, d. 2369, l. 8. GARF.

³⁰ “Vologodskii gubernator – v DP, 31 marta 1908 g.” [The Vologda governor – to the PD, March 31, 1908]. F. 102, op. 237, d. 627, l. 16. GARF.

³¹ The Khvostovs were one of the oldest and wealthiest families. At the beginning of the century, many of A. Khvostov’s relatives held high state posts. His father Nikolai A. Khvostov and his father-in-law Aleksandr N. Popov were senators (since 1904); his uncle Aleksandr A. Khvostov was Deputy Minister of Justice (since 1905) and another uncle, Sergei A. Khvostov, was Governor of Penza and was an acquaintance of Stolypin. For more about Stolypin’s patronage, see S.V. Kulikov, “Aleksandr Khvostov’s Appointment as the Ministry of Internal Affairs Administrator: Background and Mechanism” [in Russian], *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 2 (2014): 74.

³² Order of St. Anna, 4th class on the weapon with the inscription “For Bravery,” Order of St. Stanislaus, 3rd class (1877), Order of St. Anna, 3rd class (1878), Order of St. Stanislaus, 2nd class (1890), Order of St. Anna, 2nd class (1900), Order of St. Vladimir, 3rd class (1906).

exiles supported the Vologda colony's idea to create a common governorate organization³³. Colonel L. Astaf'ev, who was the VGGD head from 1903 to 1905, pointed out in the 1904 political review that the local exiles

cannot put up with the problems of state and social organization; they do not abandon their beliefs, for which they have already suffered, but continue to propagate their ideas even while serving their sentences.³⁴

According to Astaf'ev, there were many intellectuals among them who do not even hide their membership in revolutionary groups:

All this allows them to consider themselves strong, especially if they see the government's inability to counteract their disruptive behavior.³⁵

In turn, his predecessor Colonel V. Samarin (1902–03) blamed governor L. Knyazev (1901–02) for the “completely abnormal regime regarding political exiles,” who received “all possible concessions.”³⁶

When the First Russian Revolution started, the number of exiles increased, but the number of police and gendarmerie officers did not change. When Khvostov took over his duties, he sent his proposals on improving the supervision of political exiles to Director of the Police Department M. Trusevich. At that time, there were 1,297 exiles, but the number of police and gendarmerie officers remained low, and there were only 147 policemen in the entire governorate. The statistics presented by the governor were intended to convince Trusevich of the need to increase funding for the police and gendarmerie. According to Khvostov, the political exiles “decided to establish a base within Vologda Governorate for future revolutionary actions against St Petersburg and Moscow.” According to his calculations, it was necessary to allocate additional funds for 257 supervisors, which would require 3,855 rubles per month (for comparison, the Police Department allocated 5,315 rubles within the six months from March to August 1906). For solving the problem, Khvostov also proposed to spot exile to Vologda Governorate, to release some of the exiles (by the governor's decision), to establish a position of Assistant Police Chief, to raise the

³³ Mikhailov, *Bolsheviks in Vologda Exile*, 27.

³⁴ “From the 1904 VGGD's Political Review of Exiles in Vologda Governorate – Information about the Stay” [in Russian], in *Old Vologda. The 12th – Early 20th Century: Collection of Documents and Materials*, comp. L.N. Myasnikova (Vologda: Legiya, 2004), 265–66.

³⁵ “From the 1904 VGGD's Political Review of Exiles in Vologda Governorate ,” 265–66.

³⁶ “From the 1902 VGGD's Political Review – Information about the Patronage of the Vologda Exiles by Chairman of the Governorate Zemstvo Council V.A. Kudryavyi and Governor L.M. Knyazev” [in Russian], in *Old Vologda. The 12th – Early 20th Century: Collection of Documents and Materials*, 260–61.

salary of three city police officers, and to introduce the posts for their assistants. Due to the limited number of employees, Khvostov believed that it would be beneficial to “oversee the political exiles in the whole province” by appointing “a special person who would have direct contact with the Police Department and would be capable of properly performing the political surveillance.”³⁷

None of the governor’s proposals were implemented. Meanwhile, the financial problems aggravated. Describing the financing of exiles and supervisors in the empire in December 1906, Deputy Minister of the Interior reported shortage of funds: as of December 1, 256,657 rubles were “overspent” for the maintenance of the exiles only.³⁸ Thus, it was the issue of the maintenance of the exiles rather than of increasing the number of police and gendarmerie officers.

From intelligence reports and perlustrated letters, the VGGD head received information about the establishment of a public cafeteria in Ust-Sysolsk, where political exiles were going to organize readings for the people.³⁹ He also learnt that Veliky Ustyug exiles arranged regular meetings where they discussed economic needs and organization of a school.⁴⁰ In March 1908, V. Oris, a political exile from Totma, explained why he refused to escape to New York, even though he had already received money for the escape. In a letter to his correspondent in the USA he wrote:

The Vologda exile is currently a high school for the leaders of the future great campaign for the liberation of Russia. The arranged colony is legal (strangely enough); it is scientifically preparing the future proletariat leaders. There is complete freedom of meetings; there are daily reports, lectures, and discussions. There is a lot of literature, and it is of all kinds. We are all working hard to expand our intellectual horizons. The exile teaches us a lot. I have been working in this movement for two years, and personally, I see it as a paradise on earth.

³⁷ “I. d. Vologodskogo gubernatora A.N. Khvostov – M.I. Trusevichu, Direktor DP, avgust 1906 g.” [A.N. Khvostov, Acting Vologda Governor, – to M.I. Trusevich, the PD Director, August 1906]. F. 18, op. 5, d. 6, ll. 63–65. GAVO.

³⁸ “Tovarishch ministra vnutrennikh del. Ob assignovanii dopolnitel'nykh kreditov na sodержanie i naem osobykh politseiskikh sluzhitelei dlya nadzora za politicheskimi ssyl'nymi. Izlozhenie dela, 29 dekabrya 1906 g.” [Deputy Minister of Internal Affairs. On the allocation of additional credits for maintenance and employment of special police officials to supervise political exiles. Statement of the case, December 29, 1906]. F. 1276, op. 2, d. 107, l. 1–1 ob. Rossiiskoi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

³⁹ “Iz agenturnykh svedenii – Ust'sysol'skomu ispravniku, 14 avgusta 1907 g.” [The agent’s report to the Ust-Sysolsk police chief, August 14, 1907]. F. 108, op. 1, d. 999, l. 50. GAVO.

⁴⁰ “Report of the Veliky Ustyug Police Officer to the Veliky Ustyug Police Chief, January 29, 1908” [in Russian], in *Notes of the North-Dvina Society for the Study of Local Area*, 52–53.

And now I am working with more energy, with a firm belief in victory that is already close.⁴¹

It is not known whether V. Oris's words were true, whether the political exiles had actually managed to organize their work in such a way (at least for short period of time) that the exile became a "high school" for revolutionaries, or whether he was just trying to justify his refusal to go to New York despite the funds he had received for the trip. Anyway, the available information indicated that the self-organization of the political exiles was at extremely high level within the governorate, and the VGGD officers were unable to change anything because the governor had officially allowed the exiles to form associations.

With the development of the revolutionary movement, the circular letters sent to local GGD chiefs frequently emphasized the need to monitor any suspicious organizations. In a circular letter dated August 24, 1905, "the first gendarmes' duty" was "the closest examination of the nature, goals, and methods of secret organizations' activities." Without this, the officers

would perform the temporary, often accidental, elimination of certain individuals from the criminal environment, or the interdiction of one of the propaganda tools they use.⁴²

At the same time, the crisis brought about by funding shortage became systemic. As the 1907–08 winter approached, the VGGD head regularly received information about "disturbances" and "strong agitation" caused by the exiles' discontent because the allowance was not paid and the winter clothing was not handed out.⁴³ V. Lamzin sent the following telegram to the Police Department:

⁴¹ "Kopiya vypiski iz pis'ma politicheskogo ssyl'nogo V.O. Orisa, Tot'ma, Vologodskaya guberniya – k g. Oris, N'yu-Iork, 16 marta 1908 g." [Copy of an extract from the letter of a political exile, V.O. Oris, Totma, Vologda Governorate – to Mr. Oris, New York, March 16, 1908]. F. 108, op. 1, d. 2249, l. 3. GAVO.

⁴² "Circular Letter from the Police Department to the Heads of Governorate and Oblast Gendarme Departments, Security Offices and Search Services on the Regular Submission of Reports on the Activities of Revolutionary Parties to the Special Department. August 24, 1905" [in Russian], in *Notes of the North-Dvina Society for the Study of Local Area*, 63–65.

⁴³ "Telegramma nachal'niku VGZhU" [Telegram to the VGGD head]. F. 108, op. 1, d. 999, l. 63. GAVO.

[In] the far-off districts, the exiles are excited because the allowance for December is not assigned and paid. . . [T]oday the allowance is paid, and the exiles have calmed down.⁴⁴

In another telegram, the VGGD head admitted that “many exiles were in dire straits” and asked for immediate payment of allowance, or “otherwise the disturbances might really occur.”⁴⁵ Soon, Lamzin received a report from Makarov, a gendarme non-commissioned officer from Ust-Sysolsk, which stated:

At the beginning of every month, the exiles are indignant and grumble at the government. “The government sent us here to starve to death” they say.⁴⁶

According to Makarov, the exiles threatened the local police chief that they would start robberies and expropriations unless they received their allowance within three days. The police chief repeatedly sent telegrams to Khvostov and requested funds but received no reply. As a result, according to Makarov, the police chief

had to borrow money (up to 600 rubles) from local merchants and provide for the exiles most in need.⁴⁷

In March 1908, the police resorted to a military crackdown on political exiles from Solvychegodsk who arranged a meeting and demanded immediate payment of their allowance. On March 11, the 100 exiles gathered on the outskirts of the town, but they broke up when the police noticed them. They gathered again the following day at 11 a.m. near the police station, demanding the payment of their “clothing money.” The number of people was gradually increasing. The police threatened to use arms, but the exiles refused to go home:

The whole crowd unanimously shouted that no one would leave, no matter what would be done to them, and that they were not afraid of anything.⁴⁸

⁴⁴ “Telegramma nachal'nika VGZhU V.M. Lamzina – v DP” [Telegram of the VGGD head, V.M. Lamzin – to the PD]. F. 108, op. 1, d. 999, l. 65. GAVO.

⁴⁵ “Telegramma nachal'nika VGZhU V.M. Lamzina – v DP, 13 dekabrya 1907” [Telegram of the VGGD head V.M. Lamzin – to the PD, December 13, 1907]. F. 108, op. 1, d. 999, l. 64. GAVO.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ “Unter-ofitser dopolnitel'nogo shtata VGZhU g. Ust'sysol'ska – nachal'niku VGZhU, 15 dekabrya 1907 g.” [Non-commissioned officer of the additional VGGD staff from Ust-Sysolsk – to the VGGD head, December 15, 1907]. F. 108, op. 1, d. 999, ll. 66–67. GAVO.

⁴⁸ “Sol'vychegodskii ispravnik – nachal'niku VGZhU, 12 marta 1908 g.” [Solvychegodsk police officer – to the VGGD head, March 12, 1908]. F. 108, op. 1, d. 999, ll. 84–85 ob. GAVO.

The crowd was dispersed with rifle butts; as a guard reported, several exiles “got concussions,” but the police officers were not injured.⁴⁹ The situation had not improved by the beginning of the following winter. Gendarme Lieutenant Taskaev reported to the VGGD head about secret meetings of Ust-Sysolsk exiles aimed at “discussing the problem of money for winter clothing.” Earlier, the representatives of the local exile community had appealed to the police chief to solve the problem of allowance and winter clothing. When the police chief refused and explained that “there were no funds assigned for clothing,” the exiles organized a meeting to choose representatives who would appeal to the governor.⁵⁰

According to Z. Peregudova, “the legal status of the GGD complicated its work and relations with the local administrators.”⁵¹ The GGD’s responsibilities included a wide range of issues such as monitoring public sentiments, suppressing disturbances, conducting investigations into state crimes, exercising supervision, searching for those fleeing government persecution, assisting the police in restoring order, etc. At the same time, as the formal head of the local provincial administration, the governor was the first guardian of the supreme authority in the governorate and vested with administrative and supervisory powers. He was responsible for supervising government and public institutions.⁵² Minister of Internal Affairs V. Plehve was one of the main proponents of strengthening the governors’ power, and the gendarmerie departments were placed under the governors’ jurisdiction when he was in office.⁵³ As a result, the areas of responsibility of the governor and the GGD head often overlapped, which could lead to conflicts.

From the reports by the district police chiefs and the GGD head himself, the governor received information about the sentiments in the governorate and the “suspicious” activities of the population. He was also required to inspect the territories of the governorate. The collected general information was to be regularly sent by the governor to the Police Department. While the governor was responsible for the overall state of the governorate, the GGD head was required to report on a

⁴⁹ “Raport zaveduyushchego peshim otelom politseiskoi strazhi Vologodskoi gubernii – gubernskomu inspektoru politseiskoi strazhi, 17 marta 1908 g.” [Report of the Head of the Foot Police Patrols of Vologda Governorate – to the Governorate Police Patrols Inspector, March 17, 1908.]. F. 108, op. 1, d. 999, l. 86. GAVO.

⁵⁰ “Unter-ofitser dopolnitel'nogo shtata VGZhU Taskaev – nachal'niku VGZhU, 8 dekabrya 1908 g.” [Taskaev, non-commissioned officer of the VGGD Additional Staff – to the VGGD head, December 8, 1908]. F. 108, op. 1, d. 999, l. 141–141 ob. GAVO.

⁵¹ Z.I. Peregudova, *Political Police in Russia (1880–1917)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2000), 113.

⁵² A.P. Korelin, “Problems of Local Government in Russia at the Turn of the 20th century” [in Russian], in *History and Historians: A Historiographical Bulletin*, ed. A.N. Sakharov (Moscow: Nauka, 2006), 185.

⁵³ Korelin, “Problems of Local Government in Russia,” 195.

more specific range of issues and follow the circular letters of the Police Department and the Ministry of Internal Affairs.

As R. Robbins stated, even if the governors committed serious offences, they could retain their post if they had informal relations with high-ranking officials.⁵⁴ This fact is also important and should be taken into consideration.

While A. Khvostov, who was responsible for the “general state” of the governorate, was going to reduce the radical activity of political exiles by uniting them into a legal organization, V. Lamzin, who did not support the governor’s ideas but had to execute his orders, violated one of the main circular letters issued by the Police Department. Thus, the governor’s initiative brought the efforts of the Vologda GGD head to naught.

Given the lack of material resources for supporting the exiles and creating a staff of secret agents, it can be assumed that A. Khvostov hoped to mitigate conflicts between the exiles and the local authorities by issuing the permits. By viewing the exile congress as a forum in which both the exiles and some representatives of the local authorities participated, the governor probably tried to explain the absence or delay of allowance by the circumstances that were beyond the control of the governorate and uyezd administrators.

However, A. Khvostov’s initiative did not help to solve the problem of the exiles’ support. Another project mentioned by Khvostov – the establishment of secret police – was not implemented either.⁵⁵ Moreover, revolutionary terrorism remained a threat to the local government and society.⁵⁶ Organizations of political exiles continued to exist, but they became illegal. The local administrators did not manage to increase funding for the police and gendarmerie and to reform the system of supervision over the exiles. Self-organization of political exiles remained a significant challenge for the Vologda GGD, although a small group of secret agents was formed.⁵⁷

⁵⁴ R. Robbins, “The Governor and the Servant” [in Russian], *Otechestvennaya istoriya*, no. 1 (1993): 210.

⁵⁵ As F.Ya. Konovalov stated, it is hardly possible to talk about any secret agents in Vologda Governorate in 1907. According to his calculations, 15 people were recruited in 1908. (F.Ya. Konovalov, “Secret Agency of the Provincial Gendarmerie at the Beginning of the 20th Century (on the Materials of the Vologda Provincial Gendarme Department),” *Historia Provinciae – zhurnal regional'noi istorii*, vol. 3, no. 1 (2019): 91–93). Obviously, 15 secret agents could hardly form an effective network that would prevent the exiles’ protests. Moreover, the provincial secret agents were not professionals, and they had no incentives to work (Konovalov, “Secret Agency of the Provincial Gendarmerie,” 113).

⁵⁶ See F.Ya. Konovalov, “‘The Envoy Is Armed with a Revolver...’ (From the History of the Veliky Ustyug Exile)” [in Russian], in *Veliky Ustyug. Local History Almanac*, ed. V.A. Sablin, iss. 1 (Vologda: Rus', 1995), 123–31.

⁵⁷ Shlyapin, “Political Exiles from the Town of Yarensk,” 34.

Conclusion

A congress of political exiles in the governor's office was a rather controversial step taken by A. Khvostov who predicted radicalization of political exiles and their possible conflicts with the police. Despite his participation in the Black Hundred movement, the governor sought to demonstrate his loyalty to the political criminals and revolutionaries. In many respects, these actions should be attributed to the limitations faced by the governor, such as the lack of material resources and the inability to establish an effective secret service and to recruit additional police and gendarmerie personnel. The VGGD head faced the same problems, but V. Lamzin did not accept the solution that Khvostov resorted to.

The limitations faced by the two local administrators of Vologda Governorate were not unique. On the contrary, they were systematic and typical of most of the governorates that were intended for the exiles. The spheres of influence of the two local administrators overlapped, but each of them had different areas of responsibility. It was one of the key reasons for the conflict, and this fact should be taken into consideration.

The conflict between Khvostov and Lamzin reflects different concepts of revolutionary self-organization, which resulted in contradictory conclusions: a strict interdiction based on legal grounds or the legalization of certain forms of self-organization to deradicalize them. Formally, these contradictions were resolved by the decision of the Police Department to close down all associations of the exiles. However, such organizations returned to their illegal status and continued their activities.

Список литературы

Бакиш Д.А. «Колонии-коммуны» ссыльнопоселенцев Сибири как институт социального вспомоществования, 1905–1917 // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13, № 3. С. 84–98.

Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва: РОССПЭН, 2000. 399 с.

Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917 / перевод с английского Е. Дорман. Москва: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.

Егоров А.Н. Организации правых партий в городах Европейского Севера России в начале XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1 (46), т. 2. С. 29–32.

Иванов А.А. «Алексей Хвостов – у власти». Портрет правого политика // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 11. С. 193–202.

Коновалов Ф.Я. «Посланный вооружен револьвером...» (из истории великоустюгской ссылки) // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 1 / под редакцией В.А. Саблина. Вологда: Русь, 1995. С. 123–131.

Коновалов Ф.Я. Политические ссыльные г. Вологды в 1907 г. (по материалам анкетирования колонии политссыльных) // История пенитенциарной системы России в XX веке: сборник материалов Международного научного семинара / под редакцией В.В. Попова и др. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 184–190.

Коновалов Ф.Я. Секретная агентура провинциальных губернских жандармских управлений в начале XX в. (на материалах Вологодского губернского жандармского управления) // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 86–145.

Корелин А.П. Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. // История и историки: историографический вестник / под редакцией А.Н. Сахарова. Москва: Наука, 2006. С. 183–203.

Куликов С.В. Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 64–81.

Михайлов Б.Г. Большевики в вологодской ссылке. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1974. 51 с.

Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). Москва: РОССПЭН, 2000. 431 с.

Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. 1993. № 1. С. 202–213.

Рубцов А.А. От беспорядков к демонстрациям: интерпретация массовых политических выступлений 1870-х гг. российскими властями // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 114–138.

Славнитский Н.Р. Съезд ссыльных Вологодской губернии в конце 1907 г.: по воспоминаниям участников и современников // Вестник Вологодского государственного университета. 2020. № 3 (18). С. 36–38.

Соловьев К.А. Бюрократия versus бюрократия: Парадоксы государственной службы в России в конце XIX – начале XX веков // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 113–121.

Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: РОССПЭН, 2011. 511 с.

Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. Москва: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.

Туманова А.С. Общественные организации в России. Правовое положение. 1860–1930-е гг. Москва: Проспект, 2019. 479 с.

Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 358 с.

Хазихаметов Э.Ш., Букин А.Ф. Протоколы III съезда политических ссыльных Тобольского уезда. 1–5 сентября 1906 г. // Омский научный вестник. 2002. Вып. 18. С. 12–18.

References

Baksh, D.A. “‘Kolonii-kommuny’ ssyl'noposelentsev Sibiri kak institut sotsial'nogo vspomoshchestvovaniya, 1905–1917” [“Communal colonies” of Siberian exiles as an institution of social assistance, 1905–1917]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, vol. 13, no. 3 (2017): 84–98. (In Russian)

Budnitskii, O.V. *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: Ideology, ethics and psychology (from the second half of the 19th century to the early 20th century)]. Moscow: ROSSPEN, 2000. (In Russian)

Egorov, A.N. “Organizatsii pravyykh partii v gorodakh Evropeiskogo Severa Rossii v nachale XX veka” [Organizations of right-wing parties in the cities of Northern European Russia at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (46), vol. 2 (2013): 29–32. (In Russian)

Geifman, A. *Revolutsionnyi terror v Rossii 1894–1917* [Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917], translated from English by E. Dorman. Moscow: KRON-PRESS, 1997. (In Russian)

Ivanov, A.A. “Aleksei Khvostov – u vlasti”. Portret pravogo politika” [“Aleksei Khvostov in power.” The portrait of a right-wing politician]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 11 (2008): 193–202. (In Russian)

Khazikhametov, E.Sh., and A.F. Bukin. “Protokoly III s'ezda politicheskikh ssyl'nykh Tobol'skogo uezda. 1–5 sentyabrya 1906 g.” [Protocols of the third congress of political exiles from Tobolsk Uyezd. September 1–5, 1906]. *Omskii nauchnyi vestnik*, iss. 18 (2002): 12–18. (In Russian)

Kononov, F.Ya. ““Poslannyi vooruzhen revol'verom...” (iz istorii velikoustyugskoi ssylki)” [“The envoy is armed with a revolver...” (from the history of the Veliky Ustyug exile)]. In *Velikii Ustyug. Kraevedcheskii al'manakh* [Veliky Ustyug. Local history almanac], edited by V.A. Sablin, iss. 1, 123–31. Vologda: Rus', 1995. (In Russian)

Kononov, F.Ya. “Politicheskie ssyl'nye g. Vologdy v 1907 g. (po materialam anketirovaniya kolonii politssyl'nykh)” [Political exiles in Vologda in 1907 (based on the survey of the political exile colony)]. In *Istoriya penitentsiarnoi sistemy Rossii v XX veke: sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* [History of the Russian penitentiary system in the 20th century: Proceedings of the International Scientific Seminar], edited by V.V. Popov et al., 184–90. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2007. (In Russian)

Kononov, F.Ya. “Secret Agency of the Provincial Gendarmerie at the Beginning of the 20th Century (on the Materials of the Vologda Provincial Gendarme Department).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 86–145.

Korelin, A.P. “Problemy mestnogo upravleniya v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.” [Problems of local government in Russia at the turn of the 20th century]. In *Istoriya i istoriki: istoriograficheskii vestnik* [History and historians: A historiographical bulletin], edited by A.N. Sakharov, 183–203. Moscow: Nauka, 2006. (In Russian)

Kulikov, S.V. “Naznachenie Alekseya Khvostova upravlyayushchim MVD: predystoriya i mekhanizm” [Aleksey Khvostov's appointment as the Ministry of Internal Affairs Administrator: Background and mechanism]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 2 (2014): 64–81. (In Russian)

Mikhailov, B.G. *Bol'sheviki v vologodskoi ssylke* [Bolsheviks in Vologda exile]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1974. (In Russian)

Peregudova, Z.I. *Politicheskii sysk Rossii (1880–1917 gg.)* [Political police in Russia (1880–1917)]. Moscow: ROSSPEN, 2000. (In Russian)

Robbins, R. “Namestnik i sluga” [The governor and the servant]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 1 (1993): 202–13. (In Russian)

Rubtsov, A.A. “Ot besporyadkov k demonstratsiyam: interpretatsiya massovykh politicheskikh vystuplenii 1870-kh gg. rossiiskimi vlastyami” [From unrest to demonstrations: The policy of the

Russian authorities regarding mass political actions of the radical youth of the 1870s]. *Antropologicheskii forum*, no. 44 (2020): 114–38. (In Russian)

Slavnitskii, N.R. “S"ezd ssyl'nykh Vologodskoi gubernii v kontse 1907 g.: po vospominaniyam uchastnikov i sovremennikov” [Congress of exiles in the Vologda Province in late 1907: The participants’ memoirs]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (18) (2020): 36–38. (In Russian)

Solov'ev, K.A. “Byurokratiya versus byurokratiya: Paradoksy gosudarstvennoi sluzhby v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov” [Bureaucracy versus bureaucracy: Paradoxes of public service in Russia in the late 19th and early 20th centuries]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (144) (2017): 113–21. (In Russian)

Solov'ev, K.A. *Politicheskaya sistema Rossiiskoi imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [Political system of the Russian Empire in 1881–1905: The problem of lawmaking]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. (In Russian)

Solov'ev, K.A. *Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914)* [Legislative and executive power in Russia: Interaction mechanisms (1906–1914)]. Moscow: ROSSPEN, 2011. (In Russian)

Tumanova, A.S. *Obshchestvennye organizatsii v Rossii. Pravovoe polozhenie. 1860–1930-e gg.* [Public organizations in Russia. Legal status. 1860–1930s]. Moscow: Prospekt, 2019. (In Russian)

Ul'yanova, L.V. *Politicheskaya politiya i liberal'noe dvizhenie v Rossiiskoi imperii: vlast' igry, igra vlast'yu. 1880–1905* [Political police and liberation movement in the Russian Empire: The power of play, the play of power. 1880–1905]. St Petersburg: Aleteiya, 2020. (In Russian)

Информация об авторе

Павел Владимирович Тихомиров – ведущий архивист, <https://orcid.org/0009-0005-6611-3029>, ptikhomirov@eu.spb.ru, Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (д. 39, ул. Таврическая, 191015 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Pavel V. Tikhomirov – Lead archivist, <https://orcid.org/0009-0005-6611-3029>, ptikhomirov@eu.spb.ru, Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St Petersburg (39, ul. Tavricheskaya, 191015 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.